

Кинематограф до Гончарова «не дорос»

Как это ни грустно, но романы Ивана Александровича Гончарова наш кинематограф не жаловал и не жалует. По сравнению с другими классиками русской литературы, кинематографисты на протяжении ста лет вспоминали о гончаровских произведениях крайне редко. А ведь уже на заре русского кинематографа и в его «немой» период вплоть до начала 30-х годов – каких только авторов не экранизировали! Кроме классиков – от Пушкина до Толстого, на экран попадали герои Биль-Белоцерковского и Лавренёва, Герцена и Зошенко, Бедного и Серафимовича... А вот из трёх знаменитых романов Ивана Александровича удостоились внимания только «Обрыв» и «Обломов». И среди них практически лишь один фильм оставил какой-никакой след в истории кино. Но обо всём по порядку.

Не крутые «обрывы»

Роман «Обрыв» первым попал в поле зрения кинематографистов. Он появился на экране в России в 1913 году благодаря режиссёру Петру Чардынину – одному из родоначальников русского кинематографа.

В разных источниках есть расхождения по поводу места рождения Чардынина. Его первая жена К.П. Новицкая писала, что Пётр Иванович «родился в Симбирске, в мелкой купеческой семье. С детства мечтал быть актёром, и все свои гроши тратил на театр. За это мать его драла, хотела выбить из него эту мечту. Не помогло. Совсем юношей он сбежал из дому, приехал в Москву без гроша, без знакомых. Стал добиваться поступления на курсы в Московскую консерваторию. Экзамен выдержал хорошо и был принят по классу В.И. Немировича-Данченко, считался способным, и его освободили от платы за право учения». По другим

сведениям, родился Пётр Иванович в г. Чердынь Пермской губернии, потому позже и взял себе псевдоним Чардынин. А настоящая его фамилия – Красавцев...

Уже будучи известным актёром и режиссёром, Чардынин в рекламных материалах постоянно указывал в качестве постоянного адреса: Симбирск, ул. Московская, 21. Этот дом сохранился до сей поры. До 1922 года его официальной владелицей была мать режиссёра Евдокия Петровна, которая похоронена на кладбище Покровского монастыря, ныне не существующего. А дом на улице Ленина (бывшей Московской) отреставрировали. И он теперь не очень похож на тот, где провёл своё детство Петя Красавцев. Но было бы справедливо, если бы на доме появилась табличка, напоминающая нам о том, кто создал лучшие фильмы юного русского кинематографа.

А снял Чардынин около 200 фильмов, из которых сохранились 34.

Пробовал себя во всех жанрах. Очень любил экранизации русской литературной классики: именно он первым снял «Песнь про купца Калашникова», «Мёртвые души», «Пиковую даму», «Идиота», «Крейцерову сонату», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Власть тьмы», «Наташу Ростову». Ещё до революции он познакомил зрителя с пушкинским «Домиком в Коломне», лермонтовским «Вадимом», гоголевской «Женитьбой» и гончаровским «Обрывом». Актёр по образованию, конечно, он не избежал соблазна появиться на экране и сыграл гоголевского Ноздрёва, толстовского Позднышева, лермонтовского боярина Оршу.

Вообще, интерес к экранизации отечественных литературных произведений с первых шагов стал традицией для русской кинематографии. Считалось, что фильмы-экранизации, несмотря на несовершенство постановочных средств, имели большое культурное значение, а в работе

над ними формировался вкус и росло художественное мастерство пионеров русского кино.

Но вернёмся к «Обрыву», снятому в 1913 году. Примечательно, что в роли Веры согласилась сниматься известнейшая в то время драматическая актриса Вера Юренева (хотя театральные актёры относились к новорождённому кинематографу с подозрением). Юренева стала известна в 10-20-х годах в театрах Киева, Ленинграда и Москвы как темпераментная актриса «неврастенического» склада, создавшая образы мятущихся женских натур, «взвинченных» страстями.

Ну и никому из кинозрителей не нужно было представлять в ту пору звезду русского кинематографа Ивана Мозжухина (Марк Волохов), актёра из первой пятёрки дореволюционного кино, знаменитого исполнителя роли Германа в «Пиковой даме». Жаль, что в 1920-м он эмигрировал во Францию. А звездой французского кино так и не стал...

Чардынинский «Обрыв», судя по всему, на публику впечатления не произвёл. Практически не обсуждается фильм и в киноведческой литературе. Любопытно, что и следующие экранизации этого романа не делали погоды ни в кинематографе, ни в зрительных залах, ни в публикациях кинокритиков. Да и ждать следующей экранизации пришлось семьдесят лет!

В 1983 году за «Обрыв» взялся режиссёр «Ленфильма» Владимир Венгеров. Хороший, крепкий режиссёр, ныне почти забытый (он умер в 1997 году). «Обрыв» стал его последней экранизацией – за плечами уже были «Живой труп», «Лес», «Кортик», «Два капитана». Последний фильм, к сожалению, прошёл почти незаметно, несмотря на то, что в нём снимались хорошие актёры, правда, не из первой когорты: Елена Финогеева – Вера, Николай Кочегаров – Волохов, Римма Маркова – Бережкова. Сам режиссёр хотел снять красивый фильм, что было для Венгерова принципиально. Он считал, что это обостряет проблематику романа Гончарова – о разумных границах и формах свободы, о том, как соотносится она с долгом и ответственностью. Но критики «красивостей» не приняли: мол, никакого Гончарова здесь нет – «красивая обёртка», «мелодрама из старинной жизни»... А зрители, очевидно, любители экранизаций, оценили очарование актёрской игры, пейзажей,

атмосферы, чувств, и особенно бабушку Бережкову, великолепно сыгранную Риммой Марковой.

История кино знает ещё два «Обрыва». Фильм 1988 года, сделанный в Норвегии, и четырёхсерийную телевизионную экранизацию режиссёра Валерия Федосова, которая почему-то долго добиралась до экранов и наконец-то в прошлом году незаметно прошла на нецентральных каналах. Евгений Коряковский сыграл Марка Волохова, мелькающая в сериалах Анна Казючич – Веру, Людмила Полякова – Бережкову. Такое ощущение, что гончаровские герои из «Обрыва» талантливых и популярных актёров не интересуют...

«Обыкновенная история» – не для кино?

Роман «Обыкновенная история» вообще не удостоился настоящей экранизации. Ну нельзя же считать таковой спектакль, который поставила в 1966 году Галина Волчек в «Современнике» с Олегом Табаковым, Михаилом Козаковым, Анастасией Вергинской, Валентином Гафтом. Спустя четыре года этот спектакль был снят для телевидения.

В данном случае любопытно, какие параллели провёл позже между своими героями – Адуевым и Обломовым – исполнитель этих ролей Олег Табаков: «Александр Адуев-младший прибывает к столичному дядюшке восторженным и чистым юношей, исполненным самых высоких намерений. Уроки цинизма, равнодушия и чёрствости, которые пыгаются преподавать ему старшие, он поначалу с негодованием отвергает. Хочу заметить, что инертность и бездеятельность в Обломове рождает органичное неприятие пути, по которому всё-таки пошёл Адуев, презрев идеалы юности».

Кстати, существует ещё одна телевизионная версия этого романа, вышедшая в то же время в Югославии, – это телефильм режиссёра А. Джорджевича «Обична прича». Теперь уж и Югославии-то нет...

За «Обломова» обидно...

Кажется очень странным тот факт, что русским национальным характером – Ильёй Ильичём Обломовым – наши кинематографисты заинтересовались только в 1979-м. Но тут

Гончарову и его героям повезло – за экранизацию взялся сам Никита Михалков.

Возможно, сегодня Никита Сергеевич несколько иначе оценивает свою идею и её воплощение. А тогда до перестройки ещё дело не дошло, и объяснять свой выбор романа и героя приходилось достаточно осторожными словами. Михалков считал, что привычное по школьным хрестоматиям толкование романа изрядно устарело. «Так что желание снимать возникло в известной мере из полемических соображений, – говорил в одном из интервью Никита Михалков. – Есть ли смысл сегодня возвращаться к разговору об обломовщине, которая давно осуждена, и всё, что можно было сказать о ней, давно сказано? Потому-то нам хотелось повести разговор не об опасности обломовщины, а об опасности штольцевщины, о прагматизме, вытесняющем, пожирающем в человеческой душе духовность. Мы во все не хотим закрывать глаза на бездеятельность Обломова, оправдывать его лень. Но есть в этом человеке черты чрезвычайно привлекательные: цельность его природы, внутренняя чистота, органическое ощущение корней, связывающих его с родной землёй, то, что никогда, за всю свою жизнь, он никому не сделал зла. Это образ неоднозначный, многомерный, и любая попытка втиснуть его в ложе предвзятой схемы вольно или невольно ведёт к обеднению смысла романа. Нет и смысла видеть в Штольце позитивную благотворительную силу: дескать, придут сотни тысяч штольцев и преобразят лицо России. Если эмоционально поверить самому Гончарову, поверить тому, что он пишет, то от этой иллюзии неизбежно придётся отказаться. Потому что настоящая литература в его романе начинается там, где мы соприкасаемся с самим Обломовым, его жизнью и ощущениями, снами, бытом»...

«Несколько дней из жизни Обломова» завоевали награды на международном фестивале в Оксфорде в 1980 году. «Золотой щит Оксфорда» за лучшую режиссуру получил Никита Михалков, «Серебряный щит» актёры Олег Табаков и Елена Соловей, сыгравшая Ольгу, оператор Павел Лебешев. Очень понравился «Обломов» в Америке, где он стал лучшим иностранным фильмом 1981 года по решению Национального совета кинообозревателей США. Был в судьбе

картины и первый приз на Международной неделе авторских фильмов в Бенальмадене в Испании в 1982 году.

Сам Табаков трактовал тогда образ Обломова как раз в духе времени. Признавая его тонкую духовную организацию, доброту, великодушие, которые причудливым образом соединялись в характере Ильи Ильича с застенчивой робостью, чуткостью к переживаниям близких и в то же время с решительной неспособностью к любым действиям, приводящим его к неизбежному краху, актёр делал банальный вывод. Трагедия Обломова заключается в том, что социальная активность в условиях царской буржуазно-помещичьей России для людей его круга равнялась штольцевщине. То есть – цитирую Табакова – «хищному стремлению к приобретательству, выжиманию соков из простых тружеников, разбойничьему накопительству». Вот так припечатал Олег Павлович!

Что же получилось в результате? В СССР фильм ругали и хвалили примерно поровну. «Вот он делает фильм об Обломове, социально-психологическом типе, столь характерном для России, и не берёт на себя труда определить своё отношение к нему именно как к национальному и социальному явлению», – утверждали советские критики. Забавно, что с

ними совсем не соглашались критики американские: «Мастерство авторов «Обломова», несомненно, отличается великолепным уровнем. Режиссёр сумел выстроить ленту таким образом, что в ней нет ничего лишнего. Все компоненты: камера, музыка, литература – работают на главную концепцию кинопроизведения».

Рецензии, подобные этой, появились в 1981 году, когда фильм Михалкова несколько месяцев шёл в кинотеатрах Америки. 12 крупнейших газет и журналов Нью-Йорка откликнулись положительными рецензиями. «Табаков сложнейшие душевные переживания героя передаёт с какой-то величавой простотой, удивительным тактом и безграничным обаянием». «Фильм «Обломов» понятен и близок не только знатокам. Его ценность, как и любого подлинного произведения искусства, в узнаваемости проблем, волнующих человека и поныне».

Конечно, не все американские критики были столь единодушны. «Голливуд репортёр» писал: «Михалков обратился к роману Гончарова, чтобы показать, что советское общество в своём постоянном стремлении вперёд потеряло человечность, великодушие и мягкость». В общем, понравился им табаковский Обломов не из советского общества!

Роман «Обломов», а скорее его герой, более других гончаровских персонажей интересовали зарубежных кинематографистов. В каждом фильме была своя изюминка, пожалуй, не столько приближающая, сколько удаляющая от романа. На телевидении ФРГ в 1976 году демонстрировался фильм «Любовь Обломова», в котором режиссёр Клаус Петер Витт с особой симпатией выписал образ Штольца. Швейцарский режиссёр Себастиан Шрёдер в фильме «О как Обломов» очень жёстко отнёсся к «обломовщине», поскольку считал, что именно эта «русская болезнь» заразила в 1970 годы бунтующих швейцарских студентов. А в Англии в 1990-м вышел телевизионный фильм «Oblovov» режиссёра Пол Ли – его действие разворачивалось в Советском Союзе.

Но дальше всех пошёл Мартэн де Шевалье, учёный, занимавшийся исследованием восприятия современными европейцами образа Обломова. На съёмки фильма он не замахнулся. Но стал автором компьютерного сюжета об Обломове, премьера которого состоялась в 2001 году во Франции.

Состоялась его презентация и в ульяновском Доме-музее И.А. Гончарова, на которой присутствовал и автор этих строк. Зачем Шевалье сделал эту вещь? Считал, что «Гончаров известен во Франции в определённых кругах интеллигенции. В школах его не проходят. И с помощью своего фильма я хотел бы приоткрыть занавес над таинственностью образа Обломова. Я и сам немного на него похож – хотелось бы больше делать перерывов в работе». Свою работу Шевалье называл видеоигрой или видеофильмом. Процесс его создания занял два месяца. Началось с того, что как-то Шевалье предложили почитать роман русского писателя Гончарова. Мартэн нашёл его интересным и смешным, а герой показался ленивцем, который лежит на диване и непонятно почему не хочет с него встать.

Обломовский образ стал толчком к созданию видеофильма. Сюжет Шевалье придумал сам. В роли Обломова – актёр-любитель. Его герой не напоминает Обломова ни в чём – коли не знала бы, ни за что не догадалась. Ведь не только же Обломов на диване спит, как это происходит в первых кадрах. Персонажи, среда, обстановка в комнате (телефон, к примеру, присутствует) – обезличены и вненациональны.

Ну а поведение Обломова зависит от того, кто держит в руках мышку компьютера: нажимаешь на кнопку – встаёт с дивана, пьёт вино. Не нажимаешь – смотри авторский вариант сюжета. Шевалье считает, что таким образом игроки заставляют Обломова что-то делать, не лениться! Но всё-таки на видеофильм это «произведение» совсем не тянет. В рамках компьютерной игры можно создать лишь некое подобие элементарного действия. И притягивать к этой механической схеме один из самых интересных характеров русской литературы – ни к чему. За Обломова обидно!

Думается мне, что всё реже будут появляться новые классические экранизации романов нашего земляка. Ну разве что в нынешний юбилейный год. А вот его образы, в основном из «Обломова», могут дать толчок для «фантазий на тему» – в современных антуражах, и вовсе не национальной почве, да и с другими акцентами. Что поделает: у каждого времени – свои герои. Пусть и похожие на тех, из девятнадцатого века...

Татьяна Фомина